

Митрополит Антоний Сурожский

О Евхаристии

Когда на Тайной Вечере Господь установил Таинство нашей веры, которое мы называем Божественной Литургией или Евхаристией, Он собрал вокруг Себя Своих учеников: и тех, которые позже стали верными Ему так, что умерли за Него, и того, который уже решился предать своего Учителя; вместе с остальными Господь поставил его перед лицом несказанной любви Божией; потому что быть принятыми за чей-то стол означает, что он, наш хозяин, считает нас равными себе, своими сотоварищами, которые имеют право преломить хлеб вместе с ним, разделить с ним сущность жизни; и здесь Господь делает учеников равными в любви Божией, равными Богу через Его любовь к нам. Это одна сторона необычайных событий, которые мы называем Тайной Вечерей.

Но мы называем эти события еще другим именем: мы называем это Евхаристией, от греческого слова, которое означает одновременно дар и благодарение. И действительно, это причастие Телу и Крови Христовым, это невероятное при-общение, в которое Он нас принимает, является самым большим даром, который Господь может нам дать: Он делает нас братьями и равными Себе, со-трудниками Богу, и через невероятное, непостижимое действие и силу Духа (ибо этот Хлеб — больше не хлеб только, и это Вино — не только вино, они стали Телом и Кровью Дающего) мы становимся зачаточны, а постепенно все больше, участниками Божественной природы, богами по приобщению, так, что вместе с Тем, Кто есть воплощенный Сын Божий, мы становимся единым откровением Божьего присутствия, «всецелым Христом», о Котором говорил святой Игнатий Антиохийский. И даже больше этого, выше и глубже этого: в этом приобщении к природе и жизни Единородного Сына Божия, по слову святого Иринея Лионского, действительно мы становимся — по отношению к Самому Богу — единокровными сынами Божиими.

Это — дар; но в чем благодарение? Что мы можем принести Господу? Хлеб и вино? Они и так принадлежат Ему. Самих себя? Но не Господни ли мы? Он призвал нас из небытия и одарил нас жизнью; Он наделил нас всем, что мы есть и что у нас есть. Что же мы можем принести, что было бы действительно наше? Святой Максим Исповедник говорит, что Бог может сделать все, кроме одной вещи: самую малую из Своих тварей Он не может принудить полюбить Его, потому что любовь — наивысшее проявление свободы. Единственный дар, который мы можем принести Богу, это любовь доверчивого, верного сердца.

Но почему благодарением называется именно эта таинственная евхаристическая трапеза скорее, чем любое другое богослужение или любое другое наше действие? Что можем мы подарить Богу? За столетия до того, как пришел на землю Христос и открыл нам Свою Божественную любовь, этот вопрос ставил себе псалмопевец Давид, и ответ, который он дает, такой не-ожиданный, такой подлинный, верный. Он говорит: Что я воздам Господу за все Его благодеяния ко мне? — Чашу спасения приму, и имя Господне призову, и молитвы мои воздам Господу... Наивысшее выражение благодарности не в том, чтобы отдарить человеку обратно, потому что если кто получит дар и отдарит за него, то он как бы расквитался и тем упразднил дар: дающий и получающий сравнялись, оба стали дарителями, но ответный дар в каком-то смысле разрушил радость обоих.

Если же мы способны принять дар всем сердцем, мы этим выражаем наше полное доверие, нашу уверенность, что любовь дающего совершенна, и принимая дар всем сердцем и во всей простоте сердца, мы приносим радость и тому, кто дал от всего сердца. Это верно и в наших человеческих взаимоотношениях: мы стремимся отплатить за дар, чтобы только избавиться от благодарности и как бы порабощения, когда получаем дар от кого-то, кто нас недостаточно любит, чтобы одарить нас от всего сердца, и кого мы сами любим недостаточно, чтобы принять от всего сердца.

Вот почему Евхаристия — величайшее благодарение Церкви и величайшее благодарение всей земли. Люди, которые верят любви Божией открытым сердцем и безо всякой мысли «расквитаться» за дар, а только радуясь той любви, которую дар выражает, получают от Бога не только то, что Он может дать, но также и то, чем Он Сам является, и участие в Его жизни, в Его природе, Его вечности, Его Божественной любви. Только если мы способны принять дар с совершенной благодарностью и совершенной радостью, наше участие в Евхаристии будет подлинным; только тогда Евхаристия становится наивысшим выражением нашей благодарности.

Но благодарность трудна, потому что она от нас требует надежды, любящего сердца, способного радоваться дару, и совершенного доверия к дающему и веры в его любовь, в то, что этот дар не унижит нас и не поработит. Вот почему изо дня в день мы должны вращать в эту способность любить и быть любимым, способность быть благодарным и радоваться; и только тогда Тайная Вечеря Господня станет совершенным даром Божиим и совершенным ответом на нее всей земли. Аминь.

1969

Опубликовано в кн.: *Митрополит Антоний Сурожский*. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. М., 2004. С. 142–144.

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation